

МОРТИАН

УЗЛЫ ИМПЕРИИ

ОЖСЯНКИН ПЕТР

ТАЙНЫ ПРОШЛОГО • БИТВА ЗА МОРТИАН • КЛЮЧ К БУДУЩЕМУ

Петр Ожсянкин

Мортиан, узлы империи

«Автор»

2026

Ожсянкин П.

Мортиан, узлы империи / П. Ожсянкин — «Автор», 2026

Иван Дятлов, живущий на Мортиане под именем сеньор Эсгаро, обнаруживает, что из его башни украдена черная книжка Марата. Расследование приводит его, Тальверо, Марата и донью Исабеллу к древним подземным узлам, оставленным забытыми земными экспедициями и связанным с даннелианами, двойниками и подменами памяти. Выясняется, что сын Исабеллы Лиан обладает наследственным доступом к южному узлу как Оператор, а измененные под командованием двойника Марата пытаются открыть через Мортиан мост к Земле. Во время осады города Лиан пробуждает защитную систему узла и отражает прорыв. Мортиан празднует победу, Тальверо укрепляет власть, но Иван понимает: восточный узел и двойник Марата не уничтожены, а настоящая война только начинается.

© Ожсянкин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Черная книжка	5
Глава 2. Сеньор Тальверо	10
Глава 3. Тот, кто вернулся	19
Глава 4. Пост «Север-4»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Петр Ожсянкин

Мортиан, узлы империи

Глава 1. Черная книжка

Иван Дятлов вернулся в свою башню под утро.

Над Мортианом еще висел серый предрассветный сумрак. Город не спал, но и не проснулся окончательно. Где-то вдали скрипели колеса первых телег, у колодца уже ругались две женщины, на площади лениво перекликались стражники. После страшной ночи, когда по старым кварталам ползли пандорские пауки и люди запирались в домах, город медленно приходил в себя. Не сразу. Осторожно. Будто сам Мортиан проверял, действительно ли пережил еще одну беду.

Иван шел по узкой улице, чувствуя, как усталость тяжело наваливается на плечи. Плащ был порван, сапоги заляпаны глиной и черной гарью, правая рука ныла после бластера, а в голове стояла неприятная пустота. Вчера вечером он еще думал, что самое страшное — это остановить тварей, пришедших через чужой переход. Теперь, когда всё кончилось, ему казалось, что ночь растянулась на несколько суток, а сам он стал старше лет на десять.

У ворот какой-то мальчишка, увидев его, вдруг вытянулся и прошептал:

— Сеньор Эсгаро...

Иван хотел пройти мимо, но мальчишка вдруг поклонился. Неловко, слишком низко, почти испуганно. За ним поклонилась женщина с корзиной. Потом еще один человек у лавки. Иван почувствовал, как это движение проходит по улице волной. Люди узнавали его. Люди смотрели. В их глазах были благодарность, страх, надежда и то неприятное обожание, которое Иван всегда считал предвестником будущих неприятностей.

Правда, здесь его знали не как Ивана Дятлова, а как сеньора Эсгаро — чужеземца, знатного дворянина и человека, о котором в Мортиане ходило немало слухов. Лишь немногие в городе, те, кто имел доступ к тайным архивам, догадывались, что он был чужеземцем в другом смысле: не просто пришельцем из дальней страны, а человеком из иного, недоступного мортианцам мира, с далекой планеты, где строили звездные корабли, изобретали чудо-оружие и посылали экспедиции в отдаленные уголки галактики.

Еще вчера он был странным чужеземным сеньором, богатым, опасным, полезным, но все-таки человеком. После ночи с пауками он начал превращаться в легенду.

Это было плохо.

Историк в нем знал: легенды редко принадлежат тем, о ком их рассказывают. Сначала тебя славят, потом требуют чудес, потом обвиняют, если чудеса заканчиваются.

— Ну вот, — пробормотал Иван себе под нос. — Не хватало только народной любви.

Он свернул в переулок, чтобы уйти от взглядов, и вскоре оказался у своей башни.

Башня сеньора Эсгаро стояла на старом фундаменте, еще довоенном, сложенная из темного камня. Узкая, высокая, с маленькими окнами, она выглядела одновременно как дом, крепость и склад чужих секретов. Иван привык к ней. За годы на Мортиане она стала для него чем-то вроде убежища. Не домом в полном смысле слова — настоящего дома у него здесь не было, — но местом, где можно было закрыть дверь, снять чужое имя и хотя бы несколько минут побыть Иваном Дятловым.

У двери его ждал Гарм.

Обычно старый слуга встречал хозяина ворчанием. Он умел ворчать на всё: на погоду, на цены, на соседей, на сломанные замки, на привычку Ивана ходить туда, где нормальные люди

погибают, и на то, что нормальных людей, по его мнению, в Мортиане осталось обидно мало. Но сейчас Гарм молчал.

И это сразу насторожило Ивана.

— Что? — спросил он, остановившись на пороге.

Гарм оглянулся на улицу, потом быстро втянул Ивана внутрь и закрыл дверь.

— Господин, у нас были гости.

— Если они пришли благодарить за спасение города, скажи, что я умер от усталости и принимаю похвалы посмертно.

— Не такие гости.

Иван посмотрел на него внимательнее.

— Вору?

— Не знаю.

— Что значит — не знаешь?

— То и значит, господин. Вору оставляют после себя беспорядок. Эти оставили порядок.

Очень нехороший порядок.

Усталость мгновенно отступила. Не исчезла, но ушла куда-то вглубь, уступив место холодному, трезвому вниманию. Иван снял плащ и бросил его на лавку.

— Где?

— Внизу.

— В подвале?

Гарм кивнул.

Иван ничего больше не спросил. Он прошел к лестнице, ведущей вниз, и начал спускаться. Гарм взял лампу и поспешил следом. Ступени были узкие, каменные, влажные от вечной подземной сырости. Чем ниже они спускались, тем сильнее пахло старым камнем, железом, вином из бочек и пылью.

Этот подвал знали немногие. Снаружи башня казалась старой дворянской постройкой, но под ней было куда больше ходов и помещений, чем полагалось обычному дому. Часть из них Иван обнаружил сам, часть досталась ему от предшественника. От Марата.

Имя это всплыло в памяти само собой.

Марат.

На Земле он был наставником Ивана. На Мортиане — его предшественником. Человеком, который жил здесь до него, изучал местную историю, собирал сведения, поддерживал осторожные связи, вмешивался, когда считал это необходимым, и оставил после себя слишком много вопросов. Иван хорошо помнил его последнюю улыбку у трапа корабля. Помнил, как Марат сказал: «Теперь твоя очередь». Помнил, как тот поднялся на борт и улетел к Земле.

С тех пор Иван считал себя единственным землянином на Мортиане.

Почти всегда считал.

Дверь в нижний подвал была приоткрыта.

Иван остановился.

— Ты ее открывал? — тихо спросил он.

— Нет, господин. Клянусь.

— Замок?

— Цел.

Иван наклонился к замку. На первый взгляд тот действительно был цел. Никаких следов грубой силы, никаких царапин от обычных отмычек. Но на металле у самого края виднелась тонкая матовая полоска. Иван провел по ней пальцем и нахмурился. Металл будто слегка оплавился, но не от жара. Скорее от очень точного энергетического воздействия.

Не мортианская работа.

Он вошел внутрь.

Подвал казался почти нетронутым. Бочки стояли у стен. Сундуки были закрыты. Старые ящики, привезенные еще при Марате, не перевернуты. На полках лежали свитки, инструменты, запасные детали к приборам, которые Гарм считал колдовскими и поэтому принципиально не замечал. Никакого беспорядка. Никаких разбросанных вещей.

Именно поэтому Ивану стало по-настоящему тревожно.

Случайные воры так не работают.

Он подошел к дальнему шкафу, отодвинул ложную заднюю стенку и достал металлическую шкатулку. Она была на месте. Кодовая защелка не повреждена. Иван открыл ее, быстро проверил содержимое.

Старый коммуникатор. На месте.

Плоский анализатор. На месте.

Несколько энергетических элементов. На месте.

Пластина с непонятными символами. На месте.

Записные тетради Марата. На месте.

Иван облегченно выдохнул — и тут же понял, что ошибся.

Тетради лежали слишком ровно.

Он вынул их одну за другой. Первая. Вторая. Третья. Серая. Коричневая. Тонкая синяя. Потрепанная зеленая.

Черной не было.

Иван медленно опустил остальные тетради обратно.

— Господин? — спросил Гарм.

— Черная книжка исчезла.

Гарм побледнел.

— Та самая?

— Да.

— Которую вы велели не трогать даже во время пожара?

— Она.

Гарм перекрестился по-местному.

— А что в ней было?

Иван не ответил сразу.

Он сам не знал полностью.

Черная книжка была самой странной из записей Марата. Не дневник, не отчет, не научный журнал. Скорее набор обрывков, сделанных человеком, который либо боялся писать прямо, либо уже не доверял собственным мыслям. Там были даты, имена, координаты, схемы подземных ходов, фразы на русском, мортианском, латинском и еще на каком-то языке, который Иван так и не сумел определить. Несколько страниц касались даннелиан — загадочных гуманоидов, о которых на Земле знали обидно мало. Несколько — гиперпереходов. Несколько — старых мортианских легенд, где за религиозными образами явно скрывались следы чего-то технического.

А на последней странице была фраза, которую Иван запомнил слишком хорошо:

«Если они найдут дорогу сюда, не верь первому, кто назовет тебя братом».

Когда Иван впервые прочел это, он решил, что Марат к концу службы на Мортиане стал подозрительным до болезни. Теперь он уже не был так уверен.

— В ней были неприятности, — сказал Иван.

— Много?

— Достаточно, чтобы кто-то полез за ней в мой подвал ночью, пока я бегал за пауками.

Гарм сглотнул.

— Думаете, это связано?

— В Мортиане всё связано. Просто иногда нитки слишком тонкие.

Иван опустился на корточки и осмотрел пол. Пыль у шкафа была смята, но аккуратно. Тот, кто приходил, знал, куда ставить ноги. И все же один след сохранился у самой стены. Узкий отпечаток дорогого сапога. Не солдатского. Не крестьянского. Такой мог носить чиновник, придворный писец, дворянин или шпион, который хочет выглядеть человеком приличного положения.

Иван поднялся.

— Кто мог знать про тайник? — спросил Гарм.

— Ты.

— Господин!

— Я не обвиняю. Перечисляю. Ты. Я. Марат. Возможно, кто-то из старой службы Марата. Возможно, Тальверо. Возможно, тот, кто следил за домом.

— За нами следят?

Иван посмотрел на него.

— Гарм, мы живем в городе, которым управляет Тальверо. Здесь даже голуби, подозреваю, докладывают кому-нибудь о зерне.

Старик нахмурился.

— Значит, надо идти к нему?

— Ни в коем случае.

— Почему?

— Потому что если он не знает, мы ему расскажем. А если знает, покажем, что испугались.

— А мы не испугались?

Иван устало усмехнулся.

— Испугались. Но это не повод вести себя так, будто у нас нет головы.

Он закрыл шкатулку и вернул ее в тайник. Потом еще раз осмотрел подвал. Ничего больше не пропало. Ни приборы, ни энергетические элементы, ни пластина. Только черная книжка. Значит, пришедший точно знал, что ищет. Или получил приказ взять именно ее.

Когда они поднялись наверх, в башне уже стало светлее. Утренний луч падал на стол, где лежала карта Мортиана. Еще вчера Иван отмечал на ней места появления пандорских пауков, старые коллекторы, подозрительные подвалы и пути патрулей. Теперь карта выглядела иначе. На ней как будто проступила другая сеть — невидимая, тайная, куда более опасная, чем ночные ходы чудовищ.

Иван сел за стол, взял перо и написал на чистом листе три имени.

Тальверо.

Донья Исабелла.

Сфандра.

Подумал и добавил четвертое:

Марат.

Потом долго смотрел на это имя.

Марат улетел. Иван видел это собственными глазами. Корабль поднялся с замаскированной площадки, ушел в небо, а потом — дальше, к орбите, к переходу, к Земле. Марат не мог быть здесь. Не мог стоять за ночным проникновением. Не мог забрать свою старую книжку.

И все же его имя теперь снова лежало перед Иваном, написанное черными чернилами на белой бумаге.

— Господин, — тихо сказал Гарм.

Иван поднял голову.

— Что?

— Может, вам надо поспать?

Иван хотел ответить резко, но не стал. Гарм был прав. Иван почти не держался на ногах. Но сон теперь казался роскошью, которую история не собиралась ему предоставлять.

В этот момент в дверь башни ударил молоток.

Один раз.

Потом второй.

Потом третий.

Не торопливо, не грубо, а уверенно. Так стучат люди, которые знают, что им откроют.

Гарм вздрогнул.

— Кого еще принесло?

Иван быстро убрал лист с именами под карту.

— Сейчас узнаем.

Гарм ушел и вернулся через минуту. Лицо у него было такое, будто он предпочел бы снова увидеть пандорского паука, чем гостя у двери.

— Господин, там посланник.

— От кого?

— От сеньора Тальверо.

Иван невольно усмехнулся.

— Быстро.

— Он говорит, его превосходительство просит вас явиться немедленно. В малый дворец.

Тайно.

Слово «тайно» повисло в комнате особенно неприятно.

Иван поднялся. Усталость снова пыталась навалиться на него, но теперь под ней уже двигалось другое чувство — холодное ожидание опасности.

— Что ему ответить? — спросил Гарм.

Иван посмотрел на карту Мортиана, на спрятанный под ней лист с именами, на лестницу, ведущую в подвал, где в шкатулке теперь зияло пустое место.

— Скажи, что сеньор Эсгаро скоро будет.

— Может, не надо, господин?

— Надо, Гарм.

— Почему?

Иван взял чистый плащ, проверил, на месте ли бластер под одеждой, и тихо сказал:

— Потому что если Тальверо ничего не знает, он слишком вовремя позвал меня. А если знает — тем более интересно, зачем.

Он вышел к двери, но на пороге задержался и обернулся.

— И запири подвал. Не тем замком. Другим.

— Каким?

— Тем, который я велел никогда не использовать.

Гарм побледнел еще сильнее.

— Значит, все настолько плохо?

Иван посмотрел на него и впервые за это утро не стал шутить.

— Нет, — сказал он. — Пока только начинается.

Глава 2. Сеньор Тальверо

Иван шел к малому дворцу Тальверо не по главной улице.

Так было разумнее. После ночи с пандорскими пауками Мортиан уже начал наполняться слухами. Слухи в этом городе распространялись быстрее чумы, дешевле вина и надежнее государственных приказов. Еще утром никто толком не знал, что именно произошло ночью, но каждый уже был готов рассказать собственную версию: что сеньор Эсгаро один сжег целую армию чудовищ; что он вызвал с неба огонь; что он говорил с пауками на их языке; что он был ранен, умер, воскрес и теперь ходит по улицам, как живое доказательство милости небес.

Последняя версия особенно не понравилась бы Ивану, если бы он ее услышал.

Он выбрал боковые переулки, старые проходы между домами, дворики, где сушилось белье и пахло кислым вином, углем и утренней похлебкой. Но даже там его узнавали. Один сапожник, стоявший у двери мастерской, снял шапку. Две девушки у колодца замолчали и проводили его взглядом. Старуха с корзиной лука торопливо перекрестилась по-мортиански и прошептала что-то вроде молитвы.

Иван мрачно подумал, что еще немного — и ему придется выходить из дома в маске.

За ним шел посланник Тальверо — сухой, узкий человек в сером плаще, с лицом профессионального чиновника. Такие лица, по мнению Ивана, обычно принадлежали людям, способным без дрожи в руке подписать приказ о казни, а потом аккуратно промокнуть чернила песком, чтобы бумага не испачкала соседнюю папку.

— Его превосходительство просил вас поспешить, — сказал посланник, когда они свернули к старой монастырской стене.

— Я спешу.

— Вы идете медленно.

— Я не спал всю ночь, дрался с чудовищами, вернулся домой и обнаружил, что мой подвал посетили неизвестные. При таких обстоятельствах это почти бег.

Посланник едва заметно повернул голову.

Иван пожалел о последней фразе почти сразу. Усталость сделала его язык слишком свободным. Но слово уже было сказано, и теперь оставалось только наблюдать, как оно упадет.

— У вас были неизвестные? — спросил посланник.

— У всех в Мортиане бывают неизвестные. Город большой.

— Я передам его превосходительству.

— Передайте ему также, что если он хочет от меня скорости, пусть в следующий раз пришлет носилки.

Посланник снова отвернулся. На его лице ничего не изменилось.

Малый дворец Тальверо стоял не на площади и не рядом с резиденцией совета, а в стороне — за стеной бывшего монастырского сада. Это было низкое каменное здание с узкими окнами, тяжелой дверью и такой скромной наружностью, что сразу становилось ясно: здесь решаются дела, о которых не пишут в официальных хрониках. Иван уже бывал здесь дважды. Оба раза после этих встреч ему хотелось вымыть руки, хотя ничего грязного он не трогал.

У калитки их встретили двое стражников без знаков отличия. Они молча открыли проход. В саду было тихо. Мокрая листва блестела после ночного тумана, на дорожках лежали желтые лепестки, где-то в ветвях невидимая птица выводила тонкую беспечную трель. Эта мирная картинка раздражала Ивана. Слишком часто в истории самые неприятные решения принимались именно в красивых садах.

У входа в дом его встретил капитан в черном камзоле. Иван знал его в лицо, но не по имени. У людей Тальверо имена редко имели значение. Их было удобнее считать должностями.

— Сеньор Эсгаро, — сказал капитан, поклонившись. — Его превосходительство ожидает вас.

— Один?

— Да.

Иван посмотрел на него.

— Это слово в вашем доме значит не совсем то же, что у обычных людей.

Капитан не улыбнулся.

— Его превосходительство ожидает вас без свидетелей.

— Вот теперь звучит точнее.

Его провели по короткому коридору и остановили перед темной дубовой дверью. Посланник исчез. Капитан постучал дважды, открыл и отступил в сторону.

Кабинет Тальверо был небольшим. Низкий потолок, темные панели, тяжелый стол, несколько карт на стенах, полки с бумагами и старинными книгами. Окно выходило в сад. На столе стояли две чаши с вином, но Иван был уверен: если бы ему предложили пить, он отказался бы. В доме Тальверо даже вода казалась политическим инструментом.

Сам Тальверо сидел за столом.

Без цепи власти. Без парадного камзола. Без драгоценных пряжек. Просто темная одежда, аккуратный ворот, тонкие руки, спокойное лицо человека, который давно привык заставлять других нервничать своим молчанием.

— Сеньор Эсгаро, — сказал он, поднимаясь. — Благодарю, что пришли.

— Вы просили тайно и немедленно. Обычно после таких просьб лучше прийти, чем гадать, кто придет за тобой потом.

Тальверо слегка улыбнулся.

— Я рад, что вы правильно понимаете язык власти.

— Я историк. Мы изучаем последствия неправильного понимания.

— Садитесь.

Иван сел в кресло напротив, выбрав положение так, чтобы видеть и дверь, и окно. Тальверо заметил это. Разумеется, заметил. Он вообще был из тех людей, которые замечают не только движение руки, но и причину, по которой человек решил эту руку не двигать.

Несколько секунд они молчали.

— Прежде всего, — сказал Тальверо, — Мортиан обязан вам жизнью.

— Мортиан слишком часто бывает обязан разным людям, — ответил Иван. — Иногда потом ему становится неловко, и он старается избавиться от кредиторов.

— Вы не любите благодарность?

— Я не люблю, когда благодарность становится формой учета.

— Разумно.

— Опасное слово в ваших устах.

Тальверо чуть склонил голову.

— Почему?

— Потому что, когда вы называете что-то разумным, обычно где-то рядом уже стоит человек с ножом и ждет приказа.

На этот раз улыбка Тальверо стала заметнее.

— Вы устали, сеньор Эсгаро. Но усталость делает вас откровеннее.

— Она делает меня менее вежливым. Это разные вещи.

— Не всегда.

Тальверо взял со стола лист бумаги, посмотрел на него, потом положил обратно. Иван отметил жест. Лист мог быть настоящим документом, а мог быть просто поводом показать, что у Тальверо есть сведения. С этим человеком даже бумага играла роль в разговоре.

— Ночью в городе произошло еще одно событие, — сказал Тальверо.

Иван не изменился в лице.

— Кроме пауков?

— Да.

— Тогда я начинаю жалеть, что не остался с пауками. Они, по крайней мере, были прямолинейны.

— В ваш дом проникли неизвестные.

Фраза прозвучала спокойно.

Слишком спокойно.

Иван несколько секунд смотрел на него, потом откинулся на спинку кресла.

— Быстро работают ваши осведомители.

— Иначе они были бы бесполезны.

— Мой дом охраняли?

— Наблюдали.

— Разница тонкая.

— Но важная.

— Для вас?

— Для всех.

Иван усмехнулся.

— Когда государственный человек говорит «для всех», он почти всегда имеет в виду «для меня».

— Вы плохо думаете о государственной службе.

— Я думаю о ней исторически.

— Это еще хуже, — сказал Тальверо.

Они снова помолчали.

Иван понимал: сейчас начинается настоящая часть разговора. До этого они обменивались уколами, проверяли друг друга, расставляли маленькие ловушки в словах. Теперь Тальверо перешел к делу. Но и дело, наверняка, было не тем, каким казалось.

— Откуда вы знаете о проникновении? — спросил Иван.

— Один из моих людей следил за башней.

— Не слишком ли много заботы о частной собственности?

— Я забочусь не о собственности.

— Обо мне?

— О том, что находится вокруг вас.

— Очень лестно. Чувствую себя центром эпидемии.

— Иногда вы им и являетесь.

Иван посмотрел на него холоднее.

— Ваш человек видел, кто вошел?

— Частично.

— Что значит частично?

Тальверо сложил пальцы на столе.

— Через час после полуночи он подал первый знак: «движение у нижнего хода». Через несколько минут второй: «один человек». Потом третий: «вошел». После этого связь прервалась.

— Он мертв?

— Нет.

— Это хорошая новость.

— Не уверен.

Иван нахмурился.

Тальверо говорил без всякого театрального нажима. Именно поэтому его слова звучали хуже.

— Его нашли утром в старом водостоке за стеной. Живым. Без ран. Но он не помнит ни своего имени, ни службы, ни моей фамилии. Он смотрит на собственные руки и спрашивает, кому они принадлежат.

Иван невольно напрягся.

Это было уже не похоже на обычную политику Мортиана. Люди Тальверо умели убивать, пытать, следить, подкупать, запугивать. Даннелианские агенты, насколько Иван знал, умели куда больше. Но стертая память, точное проникновение, украденная книжка Марата — всё это начинало складываться в неприятный рисунок.

— Что украли? — спросил Тальверо.

Вот он, главный вопрос.

Иван мог сказать правду. Мог солгать. Мог уклониться. Каждый ответ был бы уликой. В глазах Тальверо — точно.

— Бумаги, — сказал Иван.

— Какие?

— Старые.

— Насколько старые?

— Достаточно, чтобы нормальный вор прошел мимо.

— А ненормальный?

— У ненормальных, сеньор Тальверо, своя бухгалтерия ценностей.

— Бумаги принадлежали Марату?

Имя было произнесено тихо.

Но для Ивана это прозвучало почти как выстрел.

Он удержал лицо неподвижным. Или надеялся, что удержал.

— Вы знаете это имя, — сказал он.

— Да.

— Откуда?

— От него.

На этот раз Иван не сумел ответить сразу.

За окном пела птица. Где-то в доме скрипнула половица. Вино в чашах стояло нетронутым. Все мелочи вдруг стали слишком заметными.

— От него? — повторил Иван.

— Да.

— Вы встречались с Маратом?

— Несколько раз.

— Когда?

— До вас.

— Он был здесь как сеньор Эсгаро.

— Среди прочего.

— Что значит «среди прочего»?

Тальверо не ответил сразу. Он поднялся, подошел к окну и некоторое время смотрел в сад. Ивану не понравилось, что Тальверо встал к нему спиной. Так делают только люди, которые либо полностью доверяют собеседнику, либо уверены, что контролируют комнату. В случае Тальверо второе было вероятнее.

— Марат был человеком, которого трудно было определить одним именем, — сказал Тальверо. — Иногда он был ученым. Иногда советником. Иногда беглецом. Иногда лжецом. Иногда человеком, который пытался спасти Мортиан от беды, о которой почти никто не знал.

— От какой беды?

— Он не сказал полностью.

— Удобно.

— Очень неудобно. Я не люблю незаконченные сведения.

— Но любите незаконченные признания.

Тальверо обернулся.

— Марат пришел ко мне за несколько месяцев до своего исчезновения. Он был изможден, подозрителен, вооружен и, кажется, не спал несколько суток. Он сказал, что на Мортиане есть война, которой мы не видим. Что даннелиане — только одна сторона. Что первая земная экспедиция оставила после себя больше, чем записи и легенды. Что кто-то дергает за нити из-под земли и с неба одновременно.

Иван почувствовал, как внутри у него становится холодно.

— Первая экспедиция?

— Вы удивлены.

— Потому что первой экспедицией считалась экспедиция Марата.

— Так считали вы.

— Так написано в земных архивах.

— Архивы, сеньор Эсгаро, полезны. Но они не всегда говорят правду. Иногда они говорят то, что пережило тех, кто мог возразить.

Иван медленно провел рукой по подлокотнику кресла.

— Что еще говорил Марат?

— Что если он изменится, его надо убить.

Иван поднял глаза.

— Изменится?

— Так он сказал.

— В каком смысле?

— Он не объяснил.

— А вы согласились?

— Я сказал, что не убиваю людей по их будущей просьбе.

— Очень гуманно для вас.

— Нет. Просто не люблю подписывать пустые приказы.

Иван почти поверил ему. Почти. Но с Тальверо это всегда было опасно: он мог говорить правду так, что она выглядела как ложь, и лгать так спокойно, что ложь казалась документом.

— Марат улетел на Землю, — сказал Иван. — Я видел это сам.

— Возможно.

— Не возможно. Я видел.

— Вы видели человека, который поднялся на корабль.

Иван молчал.

Фраза была простой. Именно поэтому она ударила так сильно.

— Что вы хотите сказать?

— Пока ничего. Я лишь уточняю.

— Уточнения у вас похожи на нож.

— Хорошие уточнения всегда такие.

Тальверо вернулся к столу, сел и достал из нижнего ящика небольшой сверток темной ткани.

— Эту вещь нашли рядом с моим человеком в водостоке.

Он развернул ткань.

На столе лежал тонкий металлический цилиндр длиной с палец. Гладкий, матово-серый, без украшений, без видимых швов. Но Иван сразу понял: на Мортиане таких вещей не делали.

Не могли делать. Слишком точная обработка. Слишком чистая форма. Слишком знакомая чуждость.

Земная вещь.

Или почти земная.

Иван протянул руку.

Тальверо накрыл цилиндр ладонью.

— Осторожно. Один мой лекарь коснулся его и после этого целый час говорил на языке, которого не знает.

— Что говорил?

— Мы записали.

Тальверо передал Ивану лист. На нем мортианский писец неловко вывел чужие звуки, стараясь передать их местными буквами. Иван пробежал глазами первую строку — и почувствовал, как пересохло во рту.

Это был русский язык.

Искаженный, ломанный, но русский.

«Второй носитель обнаружен. Связь нестабильна. Протокол пробуждения начат».

Иван поднял взгляд.

Тальверо смотрел на него внимательно.

— Вы можете прочесть это, сеньор Эсгаро?

Иван мог солгать.

Но Тальверо уже знал ответ. Или почти знал.

— Могу.

— И что там сказано?

Иван снова посмотрел на лист. Потом на цилиндр. Потом на Тальверо.

— Там сказано, что мы опоздали.

— Насколько?

— Возможно, на много лет.

Тальверо не двинулся. Только пальцы его чуть плотнее сомкнулись на ткани.

— Это связано с украденными бумагами?

— Думаю, да.

— С Маратом?

— Думаю, да.

— С даннелианами?

Иван хотел ответить, но не смог. До этой минуты даннелиане были для него внешней угрозой: загадочные гуманоиды, почти неизвестные, опасные, умеющие открывать чужие дороги и, возможно, запускать в миры такие твари, как пандорские пауки. Но теперь всё стало сложнее. Если русский текст появился через мортианского лекаря, если цилиндр лежал рядом с человеком Тальверо, чья память была стерта, если украли именно книжку Марата, то дело могло быть не только в даннелианах.

Иван тихо сказал:

— Не знаю.

— Это честный ответ?

— Самый неприятный из честных.

Тальверо кивнул.

— Тогда у меня есть еще одна новость.

— Конечно есть.

— У западных ворот задержали человека.

Иван ждал продолжения.

— Он пытался уйти из города до открытия застав. Документов при нем не было. Говорит странно. Знает вещи, которых знать не должен.

— Например?

— Ваше настоящее имя.

Иван замер.

— Какое имя?

Тальверо не стал произносить его сам. Вместо этого взял второй лист и положил перед Иваном. Там было написано по-мортиански, чужой рукой, но достаточно понятно:

«Иван Дятлов».

Несколько секунд Иван просто смотрел на эти буквы.

На Мортиане это имя почти никто не знал. Гарм. Марат. Возможно, несколько земных автоматических систем, если они еще где-то существовали. В обычных местных документах он был сеньором Эсгаро. Для купцов — странным дворянином. Для Тальверо — опасным союзником. Для простых людей после этой ночи, возможно, будущей легендой.

Но Иваном Дятловым его здесь не называли.

— Кто он? — спросил Иван.

— Он требует встречи с вами.

— Все почему-то требуют встречи со мной именно тогда, когда мне нужно спать.

— Он назвал себя Маратом.

Воздух в кабинете будто стал плотнее.

Иван смотрел на Тальверо, но на самом деле видел не его. Он видел серую площадку космодрома. Серебристый корабль. Трап. Высокого жилистого человека в-mortианском плаще. Усмешку. Поднятую руку. Закрывающийся люк.

Марат улетел.

Иван видел это.

— Это невозможно, — сказал он.

— Очень слабое слово для нашего утра.

— Марат покинул Мортиан много лет назад. Я присутствовал при его отлете.

— Значит, у нас есть несколько возможностей, — сказал Тальверо. — Первое: задержанный лжет. Второе: он безумен. Третье: кто-то вложил в него чужие сведения. Четвертое: человек, улетевший на Землю, не был Маратом. Пятое: Марат вернулся и почему-то предпочел войти в город через западные ворота, без документов и в состоянии, близком к смерти.

— Вам нравится перечислять неприятности?

— Это помогает не пропустить полезную.

Иван медленно встал.

— Я хочу его видеть.

— Я так и думал.

— Вы слишком уверены.

— Потому что вы историк. А историки не умеют проходить мимо живой загадки, даже если загадка держит нож.

— Иногда мы умеем.

— Не в этот раз.

Иван посмотрел на цилиндр на столе.

— Я беру это с собой.

— Нет.

— Тогда я не иду.

Тальверо холодно улыбнулся.

— Вы торгуетесь со мной в моем доме?

— Нет. Я напоминаю, что вы позвали меня не для украшения разговора. Если этот предмет связан с задержанным, мне нужно видеть его реакцию.

— А если предмет опасен?

— Тогда тем более лучше, чтобы он был у человека, который хотя бы примерно понимает, что это не амулет от зубной боли.

Тальверо несколько секунд смотрел на него. Потом завернул цилиндр в ткань и протянул Ивану.

— Вернете.

— Если смогу.

— Это не тот ответ, который мне нравится.

— Зато честный.

Тальверо поднялся.

— Тогда идем.

— Вы пойдете сами?

— Разумеется.

— Опасно.

— Поэтому я и иду.

Иван невольно усмехнулся.

— Иногда я почти понимаю, почему Мортиан вас терпит.

— Мортиан терпит всех, пока не находит способ избавиться.

Они вышли из кабинета. В коридоре уже ждал капитан в черном камзоле и двое людей в серых плащах. Формально охрана. Фактически — напоминание, что Тальверо редко бывает один, даже когда обещает разговор без свидетелей.

По дороге к западным воротам город окончательно проснулся.

На площади торговцы поднимали навесы. У мясной лавки спорили о цене. Из храма доносился низкий звон. Стражники у перекрестков смотрели на Тальверо с почтением, а на Ивана — со смесью страха и любопытства. Новости шли быстрее их самих. Иван почти физически чувствовал, как вокруг него растет новая оболочка слухов.

Сеньор Эсгаро спас город.

Сеньор Эсгаро идет с Тальверо.

Значит, случилось что-то еще.

У западных ворот было беспокойно. Две старые башни из темного камня, железная решетка, караульный дом у стены, несколько десятков стражников. Но люди держались странно. Никто не шумел. Никто не смеялся. Даже лошади у коновязи нервно переступали и фыркали.

Капитан быстро подошел к начальнику караула, выслушал короткий доклад и вернулся.

— Он внутри, ваше превосходительство.

— С ним кто-нибудь есть?

— Нет. После третьего обморока мы решили не оставлять людей рядом.

Иван повернулся к нему.

— Третьего?

Капитан помрачнел.

— Первый стражник посмотрел ему в глаза и начал плакать. Сказал, что видел свою мать мертвой, хотя она жива и торгует рыбой на южном рынке. Второй забыл, зачем держит копье. Третий просто упал.

Иван коснулся рукой бластера под плащом.

Тальверо заметил.

— Вы все еще хотите войти?

— Уже меньше. Но да.

Они подошли к двери караульного дома. За ней было тихо.

Тальверо остановился рядом с Иваном и тихо сказал:

— Есть еще одна деталь.

— Разумеется.

— Он сказал фразу, которую когда-то сказал мне Марат.

— Какую?

Тальверо посмотрел ему прямо в глаза.

— «Не верь первому, кто назовет тебя братом».

Иван почувствовал, как холод прошел по спине.

— Откуда вы знаете эту фразу?

— От Марата.

— Вы говорили, что он исчез.

— До исчезновения он успел сказать много странного.

— И вы только сейчас решили поделиться?

— Только сейчас странное начало возвращаться.

За дверью вдруг раздался голос.

Тихий.

Хриплый.

Знакомый.

— Хватит говорить с палачом, Иван. Входи.

Иван замер.

Он знал этот голос.

Не похожий. Не напоминающий. Именно знал.

Так говорил Марат.

Тот самый Марат, который много лет назад поднялся по трапу корабля и сказал: «Теперь твоя очередь».

Капитан положил руку на меч. Люди в серых плащах напряглись. Тальверо смотрел на Ивана с холодным вниманием ученого, наблюдающего редкую реакцию.

Иван медленно взялся за засов.

— Если это ловушка, — сказал он, — она слишком хорошо сделана.

— Лучшие ловушки всегда такие, — ответил Тальверо.

Иван открыл дверь и вошел.

Караульная была маленькая, низкая, грубо сложенная из камня и дерева. Узкое окно под потолком пропускало тонкую полоску света. У стены стояла скамья. На ней сидел человек со связанными руками.

Высокий. Худой. В грязном дорожном плаще. Лицо осунувшееся, заросшее щетиной, с глубокими тенями под глазами. Волосы темные, спутанные, с сединой у висков. На руках виднелись старые ожоги — белесые, неровные, будто кожа когда-то встретила с чем-то куда более страшным, чем обычный огонь.

Человек поднял голову.

Иван на миг забыл, как дышать.

Это был Марат.

Старше. Изможденнее. Почти сломанный.

Но Марат.

Он улыбнулся криво, устало, почти виновато.

— Привет, Ваня, — сказал он по-русски. — Долго же ты добирался.

Глава 3. Тот, кто вернулся

Иван сел напротив него на грубо оструганную скамью.

Скамья скрипнула под ним. В маленькой караульной было тесно, душно и странно тихо. За дверью стояли люди Тальверо, стража, капитан, сам Тальверо — все они наверняка пытались расслышать хоть что-нибудь. Узкое окно под потолком давало полоску мутного утреннего света. Этот свет падал на лицо человека, сидевшего у стены со связанными руками, и делал его одновременно живым и призрачным.

Иван осторожно смотрел на него.

На человека, которого он знал как Марата.

На человека, которого здесь не должно было быть.

Потому что Марат давно улетел с Мортиана. По крайней мере, так помнил Иван. Он слишком ясно видел ту последнюю встречу: замаскированную площадку за городом, серебристый корпус корабля, горячий сухой ветер, трап, по которому Марат поднимался на борт. Высокий, жилистый, уже почти свой среди мортианцев — в темном дорожном камзоле, в мягких сапогах, с плащом через плечо. Он тогда обернулся сверху, усмехнулся своей обычной кривой усмешкой и сказал: «Теперь твоя очередь».

Потом люк закрылся.

Корабль ушел к Земле.

А Иван остался вместо него здесь.

Единственный землянин на этой отдаленной планете. Единственный человек, который знал, что над мортианским небом есть другие миры, другие войны, другие государства, другие архивы и другие тайны.

Так он думал.

Или Марат давно умер. Так, по крайней мере, думал Тальверо. А Тальверо был из тех людей, которые редко верили слухам без проверки.

И то и другое не могло быть правдой одновременно.

Или могло — если правда была куда хуже, чем Ивану хотелось.

Человек на скамье смотрел на него устало, но внимательно. Старше. Изможденнее. С седыми нитями у висков, с темными впадинами под глазами, с руками, покрытыми старыми ожогами. Но голос, взгляд, наклон головы, эта раздражающая полуулыбка — всё было слишком знакомо.

— Ты правда Марат? — спросил Иван наконец. — Тот самый Марат, с которым мы когда-то дружили?

Человек слабо усмехнулся.

— Дружили? Ты стал сентиментальнее, Ваня.

— Не называй меня так.

— Почему? Потому что так тебя называл настоящий Марат?

Иван не ответил.

— Хорошо, — сказал человек. — Тогда скажем осторожнее. Мы с тобой когда-то работали вместе. Спорили, пили плохой кофе в учебном центре, ругались из-за методичек и однажды чуть не подрались из-за доклада по изолированным культурам.

Иван напрягся.

— Из-за какого доклада?

— Ты утверждал, что любая внешняя помощь ускоряет распад естественных институтов. Я сказал, что это кабинетная чушь и что люди, которые умирают от чумы, обычно не слишком ценят естественность своих институтов.

Иван молчал.

Это было правдой.

Давно, на Земле, еще до Мортиана, они действительно спорили об этом. Тогда Иван был моложе, правильное, увереннее. Ему казалось, что историю можно изучать, не ломая ее. Марат уже тогда смотрел на такие идеи с усталой насмешкой человека, который видел слишком много полевых отчетов и слишком мало счастливых финалов.

— Это могло быть в записях, — сказал Иван.

— Конечно могло. В хороших записях есть всё, кроме запаха кофе и твоего выражения лица, когда я назвал твою теорию музейной пылью.

— Продолжай.

Марат слегка откинулся к стене. Связанные руки лежали у него на коленях. Кожа на запястьях была стерта ремнями.

— Перед твоей отправкой я дал тебе совет.

— Какой?

— Не пытайся улучшить чужую историю слишком быстро. Она может улучшить тебя в ответ.

Иван почувствовал неприятный укол памяти.

— Еще?

— Если местные начнут считать тебя богом — беги. Если демоном — тоже беги. А если полезным человеком, вот тогда бойся по-настоящему.

Иван опустил взгляд.

Это тоже было точно.

— Достаточно? — спросил Марат.

— Нет.

— Я так и думал.

— Тогда главный вопрос. Кто много лет назад улетел вместо тебя с Мортиана на Землю? Марат посмотрел на него почти с жалостью.

— Догадайся сам.

Иван медленно сжал кулак.

— Не играй со мной.

— Я не играю.

— Ты сидишь здесь, называешь себя Маратом, знаешь мои слова, мои споры, мое настоящее имя и требуешь, чтобы я догадался сам? Нет. Так не пойдет.

— А как пойдет?

— Ты отвечаешь.

— А если я сам не знаю всего ответа?

Иван прищурился.

— Удобно.

— Нет. Неудобно. Удобно было бы сказать: «Это был клон», или «это был агент даннелиан», или «это был переодетый враг». Удобные ответы всегда приятны. Они закрывают дверь. Но я, Ваня, последние годы только тем и занимался, что находил двери там, где их быть не должно.

— Кто улетел?

Марат на секунду закрыл глаза.

— Кто-то с моим лицом. С частью моей памяти. С моим голосом. Возможно, с моими документами. Возможно, с моей биометрией. Достаточно похожий, чтобы пройти корабельную проверку.

— Невозможно.

— Слабое слово.

— Я видел тебя у трапа.

- Ты видел того, кто выглядел как я.
- Он говорил как ты.
- Да.
- Он знал меня.
- Вероятно.
- Он передал мне дела.
- Да.
- Ключи, шифры, дом, имя Эсгаро.
- Да.

Иван встал. Ему вдруг стало тесно в караульной. Он сделал два шага к стене, два шага обратно. Больше здесь было негде ходить.

- Значит, всё с самого начала было подделкой?
- Не всё.
- Что не всё?
- Ты настоящий.

Иван резко посмотрел на него.

- Спасибо. Очень утешает.
- И Мортиан настоящий. Хотя не совсем такой, каким кажется.
- Это я уже начал понимать.

Марат усмехнулся.

- Нет. Ты еще не начал. Ты только стоишь у двери и думаешь, что увидел комнату.

Иван сел обратно.

- Тогда объясни.

Марат посмотрел на дверь.

- Не здесь.

— Разумеется. Сначала появиться из ниоткуда, а потом сказать «не здесь». Очень убедительно.

- За дверью стоит Тальверо.
- Он и так знает больше, чем говорит.
- Именно поэтому я не хочу, чтобы он бесплатно получил остальное.

Иван невесело улыбнулся.

— Ты все тот же. Даже измученный, связанный и, возможно, не совсем настоящий, ты торгуешься информацией.

- Это профессиональная привычка.
- Плохая привычка.
- Зато помогает жить дольше. Иногда.

Иван наклонился вперед.

- Хорошо. Тогда отвечай коротко. Ты настоящий Марат?

- Да.
- Ты улетел на Землю?
- Нет.
- Где ты был после того дня у корабля?

Марат долго молчал. Впервые за весь разговор в его лице появилась не усталость и не насмешка, а что-то другое. Тень. Боль. Отвращение к памяти.

— Я помню, как поднялся по трапу, — сказал он наконец. — Помню шлюз. Помню запах пластика и озона. Помню, что проверил крепление сумки. Помню, как на панели загорелся зеленый индикатор. А потом — провал. Не сон. Не обморок. Именно провал. Будто кто-то вырезал кусок меня.

- А дальше?

— Дальше я проснулся в камере под старым храмом на севере.

— На Мортиане?

— Да.

— Через сколько?

— Три дня после моего отлета.

Иван медленно выдохнул.

— Ты уверен?

— Тогда был уверен. Потом перестал быть уверенным вообще во всем.

— Кто тебя держал?

— Люди.

— Земляне?

— Сначала я тоже так думал.

— А потом?

Марат поднял на него глаза.

— Потом понял, что слово «люди» уже ничего не объясняет.

Иван почувствовал неприятный холод под ребрами.

— Даннелиане?

— И это слово тоже ничего не объясняет.

— Марат.

— Иван, ты думаешь, что есть две стороны. Земля и даннелиане. Люди и чужие. Наши и не наши. Это удобная схема. Очень земная. Очень архивная. Но на Мортиане игра идет так давно, что стороны перемешались. Люди первой экспедиции попали под влияние даннелиан. Даннелиане переняли человеческие методы. Потом появились двойники, посредники, измененные, носители памяти, агенты, которые сами не знали, чьи они агенты. А потом всё стало еще хуже.

Иван несколько секунд смотрел на него, не говоря ни слова.

— Первая экспедиция, — медленно произнес он. — Ты уже второй человек за это утро, который говорит о первой экспедиции.

— Тальверо?

— Да.

— Он знает мало. Но достаточно, чтобы быть опасным.

— А ты знаешь много?

— Достаточно, чтобы быть еще опаснее.

— И поэтому пришел к западным воротам без документов, с полумертвой физиономией и дал себя связать?

Марат слабо улыбнулся.

— У каждого свой стиль возвращения.

— Почему сейчас?

— Потому что они нашли книжку.

Иван напрягся.

— Ты знаешь, что ее украли?

— Я не знал. Я боялся.

— Кто украл?

— Тот, кто хочет собрать ключ.

— Какой ключ?

Марат посмотрел на его плащ.

— Цилиндр у тебя?

Иван не ответил.

— Значит, у тебя, — сказал Марат. — Тальверо не отдал бы его тебе, если бы не испугался достаточно сильно.

— Что это?

— Часть доступа.

— К чему?

— К тому, что осталось под Мортианом.

Иван вспомнил странную фразу на листе Тальверо: «Второй носитель обнаружен. Связь нестабильна. Протокол пробуждения начат».

— Я не люблю, когда меня называют носителем, — сказал он.

— Никто не любит.

— Что я ношу?

— Право дежурного.

— Звучит бюрократически.

— Потому что так и было задумано. Самые страшные вещи люди обычно оформляют скучными словами.

Иван хотел спросить еще, но за дверью послышалось едва заметное движение.

Не шаг.

Не кашель.

Скорее мягкий скрип дерева, будто кто-то прислонился к двери снаружи.

Марат мгновенно замолчал.

Иван медленно повернул голову.

— Они слушают, — сказал он.

— Конечно слушают.

— Я имею в виду людей Тальверо.

— А я нет.

Секунда тишины.

Потом за дверью раздался глухой удар.

Один.

Второй.

Кто-то упал.

Иван вскочил. Рука уже легла на бластер под плащом.

— Что это?

Марат дернулся, цепи на его руках звякнули.

— Развяжи меня.

— Сначала ответь.

— Поздно для ответов.

— Кто там?

— Тот, кто взял книжку.

Иван не успел ничего сказать.

Дверь караульной сама собой приоткрылась.

В щели показался человек в сером плаще. Один из людей Тальверо. Тот самый, что шел с ними от малого дворца. Он стоял слишком прямо, слишком неподвижно. Голова была чуть склонена набок, как у куклы, которую держат за невидимую нить. Одна рука безвольно висела вдоль тела. В другой он держал тонкую черную книжку.

Книжку Марата.

Иван увидел его глаза.

Пустые.

Совсем пустые.

Человек медленно поднял книжку, словно предъявлял пропуск.

— Носитель найден, — произнес он по-русски.

Голос был чужой. Ломкий. Словно кто-то говорил через плохо настроенный аппарат, используя живое горло вместо динамика.

Иван не вынул бластер, но пальцы сжались на рукояти.

— Кто ты?

Человек в сером плаще перевел пустой взгляд на него.

— Не спеши, Иван.

Марат за спиной тихо сказал:

— Вот теперь можешь начинать бояться.

— Я уже начал, — ответил Иван, не оборачиваясь.

Человек сделал шаг в караульную. За ним, в коридоре, на полу лежали двое стражников. Один тихо стонал, второй не двигался, но грудь его еще поднималась.

— Передай цилиндр, — сказал незнакомец.

— А если я не люблю отдавать чужим людям непонятные предметы?

— Ты не понимаешь функцию.

— Зато понимаю тон.

— Передай цилиндр.

Иван вытащил бластер.

Теперь уже открыто.

Ствол был направлен не в лицо человека, а чуть ниже, в грудь. На таком расстоянии промахнуться было невозможно. Человек в сером плаще не отступил. Даже не моргнул.

— Не применять, — сказал он.

— Почему?

— Повреждение локального носителя приведет к потере данных.

— Ты называешь его локальным носителем?

— Да.

— А человеком он для тебя не является?

Незнакомец будто задумался. Не потому, что вопрос был труден, а потому, что слова требовали подбора.

— Человек. Временный сосуд. Данные повреждены. Управление нестабильно.

Иван почувствовал, как по спине прошел холодок. Он много видел на Мортиане. Политические убийства, эпидемии, фанатиков, чудовищ, людей, сошедших с ума от страха или власти. Но это было другое. Это был не человек и не обычный враг. Это было нечто, использующее человека как одежду.

Марат хрипло сказал:

— Не дай ему соединить книжку и цилиндр.

— Что будет?

— Откроется путь вниз.

— Куда вниз?

— К первой экспедиции.

Человек в сером плаще повернул голову к Марату.

— Дежурный Марат поврежден. Но пригоден.

Марат тихо выругался.

— Слышишь, Ваня? После стольких лет наконец-то оценили мои профессиональные качества.

— Молчал бы ты лучше.

— Я бы рад, но у нас опять конец света.

Иван не сводил взгляда с незнакомца.

— Что тебе нужно?

- Завершение протокола.
- Какого протокола?
- Пробуждения.
- Кого?
- Узла.
- Какого узла?

Человек поднял черную книжку. Страницы сами собой раскрылись и зашевелились, хотя ветра в комнате не было. На бумаге проступило слабое голубоватое сияние. Старые записи Марата, схемы, даты и координаты вдруг начали перестраиваться, словно текст был не чернилами, а живой памятью.

- Марат резко дернулся.
- Иван, стреляй в книжку.
- Там могут быть ответы.
- Там ловушка.
- Одно другому не мешает.
- Не философствуй!

Человек в сером плаще сделал еще один шаг.

— Вероятность уничтожения книги низкая, — сказал он. — Иван Дятлов ищет истину. Объект не уничтожит источник ответов.

- Иван медленно улыбнулся.
- Вот что мне всегда не нравилось в предсказательных системах.
- Что?
- Они плохо понимают раздраженных историков.

Он резко перевел бластер на книжку.

Впервые человек в сером плаще изменился. Почти незаметно, но изменился. Его рука дернулась, а пустые глаза стали чуть шире. Это был не страх в человеческом смысле. Но это была реакция.

- Значит, книжка важна.
- Не надо, — сказал незнакомец.
- Вот теперь разговор стал интереснее.

И в этот момент за спиной человека в сером плаще прозвучал спокойный голос Тальверо: — Сеньор Эсгаро, я не советую уничтожать улику до того, как мы выясним, можно ли на ней кого-нибудь повесить.

Незнакомец резко обернулся.

Тальверо стоял в коридоре, бледный, с кровью у виска, но живой. В левой руке он держал короткий мортианский пистоль, в правой — тонкий кинжал. Рядом с ним, пошатываясь, стоял капитан.

- Тальверо выстрелил.
- Не в голову. Не в грудь. В руку.

Пуля ударила по кисти человека в сером плаще. Черная книжка вылетела из пальцев и упала на пол. Почти одновременно Иван выстрелил из бластера — не в человека, а в каменную плиту перед ним.

Белая вспышка ударила по караульной. Камень лопнул, воздух взорвался пылью и жаром. Человека отбросило к косяку. Он рухнул на колени, но не упал окончательно. Из его горла вырвался странный металлический скрежет.

- Марат! — крикнул Иван.
- Руки! — ответил тот.

Иван одним движением выхватил нож и перерезал ремни на его запястьях. Марат вскочил слишком быстро для человека, который выглядел полумертвым. Значит, либо он был крепче, чем казался, либо страх делал его сильнее.

Черная книжка лежала на полу между ними и человеком в сером плаще.

Все посмотрели на нее одновременно.

Иван.

Марат.

Тальверо.

И незнакомец, который уже снова поднимался.

На полу рядом с Иваном под плащом вдруг стало горячо.

Цилиндр.

Он нагревался.

Сначала терпимо, потом больно. Иван стиснул зубы, выдернул его из внутреннего кармана и бросил на каменный пол. Металл тускло светился серым. Цилиндр покатился сам — не туда, куда должен был по наклону, а прямо к черной книжке.

— Назад! — крикнул Марат.

Но было поздно.

Цилиндр коснулся обложки.

Книжка раскрылась сама собой.

По страницам побежали тонкие голубые линии. Пол под ногами дрогнул. Не сильно, но достаточно, чтобы с потолка посыпалась пыль. Где-то глубоко под землей отозвался низкий гул, похожий на первый вздох огромной машины.

Тальверо резко повернулся к Ивану.

— Что это?

— Я собирался спросить то же самое.

Марат смотрел на светящиеся страницы с таким лицом, будто увидел старого врага, которого давно считал похороненным.

— Они собрали нас, — тихо сказал он.

— Кто — они?

— Те, кто оставил это под Мортианом.

— Люди первой экспедиции?

Марат не ответил.

Гул усилился.

Потом произошло то, чего Иван никак не ожидал.

Пол под ними вдруг провалился вниз.

Не треснул, не осел, не раскололся кусками, как старый камень. Он ушел вниз целиком — резко и ровно, как лифт, у которого сорвался канат.

Кто-то крикнул. Тальверо выругался. Капитан попытался схватиться за дверной косяк. Марат успел только поднять голову.

Иван прыгнул.

Это было не решение, а инстинкт. Ноги оттолкнулись от уходящего пола, тело рванулось вверх, левая рука метнулась к поперечной балке под крышей. Пальцы сомкнулись на шершавом дереве так резко, что боль ударила до плеча.

Все остальное провалилось вниз.

Скамья, обломки камня, черная книжка, цилиндр, человек в сером плаще, Марат, Тальверо, капитан — всё исчезло в темноте под ним, в казавшемся бездонным колодце.

Иван остался висеть под крышей караульной.

Одна рука вцепилась в балку. Вторая всё еще сжимала бластер.

Он не выронил его.

Эта мысль почему-то пришла первой.

Потом пришла вторая: долго он так не провисит.

Балка скрипела. Пыль сыпалась сверху. Под ногами зияла огромная квадратная дыра, уходившая вглубь. Внизу гремело, ломалось, катилось, потом ударило далекое металлическое эхо.

Иван подтянулся, стиснув зубы. Руки дрожали после бессонной ночи, после боя, после всего, что случилось за утро. Но он сумел зацепиться локтем, потом перекинул ногу через балку и повис на ней, как нелепый вор в чужом сарае.

Снаружи закричали стражники.

— Сеньор Эсгаро!

— Дверь! Дверь заклинило!

— Там провал!

— Где его превосходительство?!

Иван хотел ответить, но сначала только закашлялся от пыли.

Снизу донесся голос.

Далекий, злой, но живой.

— Иван!

Это был Марат.

Иван поднял голову.

— Ты жив?!

— К сожалению для некоторых!

— Где вы?

— Внизу! Где же еще?!

— Тальверо?

Ответил сам Тальверо. Его голос поднялся из глубины холодный и раздраженный:

— Сеньор Эсгаро, если вы закончили отдыхать наверху, я настоятельно советую вам спуститься. Здесь обнаружилось нечто, имеющее прямое отношение к вашей проклятой Земле.

Иван невольно усмехнулся, всё еще висая на балке.

— Рад, что вы сохранили способность обвинять меня во всем.

— Спускайтесь.

— Мне нужна веревка!

— Вам нужен пистолет помощнее.

Иван посмотрел на бластер в руке.

— Постараюсь не обидеться.

Пока наверху стражники суеились с дверью и веревками, Иван осторожно перебрался с балки на узкую каменную полку у стены. Оттуда он смог заглянуть вниз.

Провал оказался не обычной ямой.

Глубокий круглый шахтный ствол уходил метров на двадцать, а может, и больше. Его стены были облицованы темным матовым материалом, слишком гладким и ровным для мортианской работы. По стыкам пробегали слабые голубоватые искры. Внизу мерцала круглая площадка. На ней виднелись люди, обломки пола, разбитая скамья и странный холодный свет.

Не подвал.

Не древний колодец.

Технологический спуск.

Старая земная шахта.

Или то, что когда-то было земной шахтой.

Иван поймал брошенную сверху веревку, обмотал ее вокруг балки, проверил узел и начал спускаться. Веревка скользила в ладонях, обжигая кожу. С каждым метром голубой свет становился ярче. Теперь он видел Марата, стоявшего у стены и прижимавшего руку к боку. Видел

Тальверо с пистолем. Видел капитана, сидевшего среди обломков. Видел человека в сером плаще, неподвижно лежавшего у края площадки.

И видел коридор.

Металлический коридор, уходящий в темноту под западными воротами.

Над его входом дрожали русские буквы.

Когда Иван спустился достаточно низко, он смог прочесть надпись:

«ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС “СЕВЕР-4”. АВАРИЙНЫЙ ДОСТУП. ДЕЖУР-НЫМ НЕ ПОКИДАТЬ ПОСТ».

Иван повис на веревке, забыв на секунду дышать.

Русские буквы.

Под Мортианом.

Под городом, который считал себя центром собственного маленького средневекового мира.

Марат поднял голову и крикнул:

— Ну что, узнал родину?

Иван посмотрел на надпись, на голубой свет, на шахту, на старого друга, который должен был быть на Земле или в могиле.

— Узнал, — сказал он. — И мне это очень не нравится.

Глава 4. Пост «Север-4»

Иван спустился на площадку и сразу почувствовал под ногами не камень.

Это был металл. Или материал, который когда-то был металлом, а потом за долгие годы странного сна под Мортианом изменился, потемнел, стал матовым, почти теплым на ощупь. По нему шли тонкие линии стыков, слишком ровные, слишком правильные. В этих линиях иногда вспыхивало слабое голубоватое свечение, будто где-то глубоко внутри старого комплекса еще теплилась жизнь.

Над ними, высоко вверху, зиял квадрат провала. Оттуда доносились голоса стражников, суета, скрип веревок. Но здесь, внизу, все эти звуки казались далекими и неважными. Мортиан с его воротами, рынками, дворцами, казнями, налогами и слухами остался наверху. А здесь начинался другой слой мира — тот, о котором не писали местные хронисты и, похоже, молчали земные архивы.

Иван отстегнул веревку от пояса и сделал несколько шагов к надписи.

«ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС “СЕВЕР-4”. АВАРИЙНЫЙ ДОСТУП. ДЕЖУРНЫМ НЕ ПОКИДАТЬ ПОСТ».

Буквы мерцали неровно, будто их держала на плаву последняя энергия умирающей системы. Но они были настоящими. Русскими. Земными.

Иван протянул руку и коснулся стены под надписью. На панели тут же вспыхнула тонкая линия света, пробежала под его ладонью и исчезла.

— Сеньор Эсгаро, — сказал Тальверо за его спиной. — Я, конечно, не хочу мешать вашей трогательной встрече с родной письменностью, но хотел бы понять, мы стоим в могиле, складе оружия или храме безумных инженеров?

Иван не обернулся.

— Пока не знаю.

— Не люблю этот ответ.

— Я тоже.

Марат, все еще прижимая руку к боку, подошел ближе. Падение потрепало его, но не сломало. Он хромал, лицо было серым от боли и усталости, но глаза оставались острыми.

— Это пост, — сказал он. — Один из малых. Дежурный узел. Наблюдение, связь, карантин, архивный доступ. Не главная база.

— А главная где? — спросил Иван.

Марат усмехнулся.

— Если бы я знал точно, я бы выглядел счастливее.

— Ты выглядишь так, будто счастье с тобой давно не здоровается.

— Взаимно.

Тальверо резко повернулся к человеку в сером плаще, который лежал у края площадки. Тот был жив, но без сознания. Его пустые глаза закрылись, лицо снова стало обычным, человеческим, испуганно-бледным даже во сне. Капитан Тальверо перевязывал ему раненую руку.

— Это существо может вернуться? — спросил Тальверо.

— Может, — сказал Марат.

— В него?

— В кого угодно, если подготовлены условия.

Капитан поднял голову.

— В кого угодно?

Марат посмотрел на него с мрачным сочувствием.

— Лучше не думайте об этом слишком подробно. От подробностей люди начинают нервничать и стрелять по друзьям.

— Полезное предупреждение, — сказал Тальверо. — Жаль, что позднее обычного. Иван поднял бластер и направил его в темный коридор.

— Идем.

— Куда? — спросил Тальверо.

— Внутрь.

— Вы уверены, что это разумно?

Иван посмотрел на него.

— Нет. Но наверху у нас дыра в караульне, паника у западных ворот и люди, которые могут начать поклоняться провалу как новому чуду. Внизу — ответы. Или новые неприятности. В любом случае сначала надо понять, что мы разбудили.

Тальверо кивнул капитану.

— Двое остаются здесь. Никого не пускать вниз без моего приказа. Если кто-то начнет говорить чужим голосом — оглушить. Если не получится — убить.

Капитан побледнел, но кивнул.

— Да, ваше превосходительство.

Иван хотел возразить, но не стал. В этом приказе было больше здравого смысла, чем ему хотелось признавать.

Они вошли в коридор втроем: Иван впереди с бластером, Марат чуть позади, Тальверо последним, с пистолем в руке. Синий свет включался по мере их приближения, вспыхивал в потолке и стенах мягкими полосами, освещая гладкие панели, старые маркировки, закрытые двери и местами выцветшие предупреждающие знаки.

Первое время Иван почти физически чувствовал странность происходящего. Его мозг не хотел соединять эти вещи в одну картину. С одной стороны — Мортиан: мир дворцов, придворных интриг, грубых сапог, рукописных приказов, рыночной брани, палачей, храмовых колоколов. С другой — этот коридор с русскими надписями, аварийным освещением и запахом старого пластика.

Два мира не просто соприкасались. Они давно лежали один поверх другого.

— Почему я не знал? — тихо сказал Иван.

Марат понял вопрос сразу.

— Потому что тебе не положено было знать.

— Кем не положено?

— Вот это хороший вопрос.

— Я жду хороший ответ.

— Не жди слишком сильно.

Иван остановился у первой двери. На ней была надпись:

«ПОСТ НАБЛЮДЕНИЯ. СМЕНА 17-Б. ДОСТУП: ДЕЖУРНЫЙ».

Под надписью тускло светилась панель. Иван приблизил руку. Панель мигнула, потом издала короткий звук. Дверь не открылась.

На панели появилась строка:

«ДЕЖУРНЫЙ ДЯТЛОВ И. А. ПОДТВЕРЖДЕН. ДОСТУП ОГРАНИЧЕН. ТРЕБУЕТСЯ ВТОРОЙ ДЕЖУРНЫЙ».

— Очень мило, — сказал Иван. — Даже старая мертвая станция соблюдает бюрократию.

Марат подошел и приложил ладонь рядом. Система молчала дольше. Потом свет на панели стал ярче.

«ДЕЖУРНЫЙ СОКОЛОВ М. В. ПОДТВЕРЖДЕН. ДОСТУП ВОССТАНОВЛЕН ЧАСТИЧНО».

Дверь с шипением отошла в сторону.

Тальверо поднял брови.

— Она вас узнала.

— К сожалению, — сказал Марат.

— Вы не рады?

— Когда подземная система, о существовании которой тебя заставили забыть, спустя годы узнает твою ладонь, радость не первое чувство.

Они вошли.

Пост наблюдения оказался небольшим круглым помещением. В центре стоял стол-консоль с погасшими экранами. Вдоль стен тянулись шкафы, панели связи, старые кресла на поворотных основаниях. В одном кресле сидел человек.

Точнее, то, что от него осталось.

Иван замер.

Тело было высохшим, почти мумифицированным. Комбинезон истлел, но на груди еще читалась нашивка с буквами: «СЕВЕР-4». Рука лежала на панели, пальцы скрючились над клавишами. Лицо было повернуто к двери, и от этого казалось, будто мертвец все еще ждал смену.

Тальверо медленно перекрестился по-мортиански.

— Ваш человек?

Иван не ответил сразу.

Он подошел ближе и прочитал выцветшую полоску имени на комбинезоне.

«ЛЕЙТЕНАНТ А. КРАВЦОВ».

Имя ничего ему не сказало.

И это было хуже, чем если бы сказало.

— Землянин, — произнес Иван.

— Первая экспедиция? — спросил Тальверо.

Марат стоял у порога и смотрел на мертвеца странно. Не с удивлением. Скорее с тем тяжелым выражением, какое бывает у людей, увидевших старый долг, который все еще не оплачен.

— Не первая, — сказал он.

Иван медленно повернулся.

— Что?

— Это не первая экспедиция.

— Марат.

— Да, я знаю. Неприятно звучит.

— Объясни.

Марат подошел к консоли, осторожно отодвинул мертвую руку от панели и нажал несколько клавиш. Ничего не произошло. Он выругался, нажал другую комбинацию. В центре стола вспыхнул мутный экран. По нему пошли помехи, затем появилась старая системная заставка.

«КОМПЛЕКС “СЕВЕР-4”. АВАРИЙНЫЙ РЕЖИМ. СВЯЗЬ С ЦЕНТРОМ ОТСУТСТВУЕТ. ПОСЛЕДНЯЯ СМЕНА: 219 ЛЕТ 4 МЕСЯЦА 11 ДНЕЙ НАЗАД».

Иван невольно сделал шаг ближе.

— Двести девятнадцать лет.

— Это с момента аварийного перехода в сон, — сказал Марат. — А построили его раньше.

— Насколько раньше?

Марат не ответил. Вместо этого открыл локальный журнал. На экране побежали строки. Многие были повреждены, часть заменялась пустыми прямоугольниками. Но главное читалось.

«Проект “Север”. Этап 4. Маскировка под культурный слой подтверждена».

«Контакт с даннелианским объектом — нестабилен».

«Группа “Рассвет” не вернулась».

«Приказ Земли-Центр: данные о предшествующих миссиях классифицировать как несуществующие».

«Внимание: вероятна компрометация канала возвращения».

«Любая прибывающая смена считать потенциально зараженной до проверки».

Иван читал, и с каждой строкой у него холодели пальцы.

— Предшествующие миссии, — сказал он. — Во множественном числе.

— Да.

— Значит, «первая экспедиция» была не первой.

— Похоже, нет.

— А экспедиция Марата была даже не второй.

— Похоже, нет.

Тальверо стоял за их спинами и внимательно смотрел на экран, хотя не понимал букв.

— Что там написано?

Иван перевел ему коротко.

Тальверо выслушал молча. На его лице не отразилось почти ничего, но Иван уже достаточно хорошо знал этого человека, чтобы понять: внутри у него что-то изменилось. Для Тальверо это было не просто открытием. Это было оскорблением. Его мир, его Мортиан, его государство, его реформы, его войны и победы внезапно оказались верхним слоем чужого, старого, скрытого конфликта.

— Значит, — медленно сказал Тальверо, — люди с Земли использовали Мортиан как укрытие.

— Да, — сказал Марат.

— Как крепость.

— Да.

— Как лабораторию.

Марат молчал.

— Отвечайте.

— Да.

Тальверо посмотрел на Ивана.

— Вы знали?

— Нет.

— Ваши начальники знали?

Иван хотел сказать «нет». Очень хотел. Но слова застряли.

Он не знал.

После всего, что они увидели, он уже не мог быть уверен даже в земных архивах. Если существовали предшествующие миссии, если сведения о них классифицировали как «несуществующие», если канал возвращения был скомпрометирован, если вместо Марата на Землю улетел кто-то другой — где заканчивалась ложь?

— Не знаю, — сказал Иван наконец.

Тальверо усмехнулся без всякого веселья.

— Прекрасно. Очень утешительно слышать это от представителя высокоразвитой цивилизации.

— Я не представитель цивилизации. Я человек, которого, похоже, тоже использовали вслепую.

— Тогда мы впервые за утро почти равны.

Марат резко поднял руку.

— Тихо.

Иван замолчал.

Где-то в глубине поста раздался слабый звук.

Не шаг. Не удар. Скорее щелчок старого механизма. Потом второй. На консоли мигнул новый индикатор.

«ПРИСУТСТВИЕ ДЕЖУРНЫХ ПОДТВЕРЖДЕНО. АРХИВНЫЙ БЛОК РАЗБЛОКИРОВАН. КОНТАКТНЫЙ ОТСЕК ОЖИДАЕТ».

— Контактный отсек, — сказал Иван. — Это где люди говорили с даннелианами?

Марат медленно кивнул.

— Сначала говорили. Потом слушали. Потом начали слышать даже тогда, когда никто не говорил.

Тальверо нахмурился.

— Что это значит?

— То, что даннелиане работают не только словами. Они работают смыслом. Памятью. Образами. Желанием. Страхом. Человек думает, что ему пришла собственная мысль. А потом оказывается, что эта мысль пришла не совсем от него.

— Значит, они могут управлять людьми?

— Иногда. Но не так просто, как куклой. Они тоньше. Опаснее. Они не всегда приказывают. Иногда они помогают человеку захотеть именно того, что им нужно.

Иван вспомнил человека в сером плаще. Пустые глаза. Чужой голос. «Локальный носитель». Это было грубее, прямее. Может быть, потому что система была повреждена. Или потому что это уже были не чистые даннелиане.

— А люди? — спросил Иван.

Марат посмотрел на него.

— Что люди?

— Люди первой или не первой экспедиции. Они тоже научились этому?

Марат не ответил.

Ивану и не нужно было.

Тишина сказала достаточно.

Он снова повернулся к экрану и открыл архивный раздел. Система запросила подтверждение двух дежурных. Иван приложил ладонь к панели. Марат после короткой паузы сделал то же самое.

Экран погас.

Потом в воздухе над столом возникло объемное изображение.

Сначала помехи. Снег. Разорванные силуэты.

Потом появился человек в форме старого земного образца. Женщина лет сорока, короткие темные волосы, усталое лицо, глаза человека, который давно не спал и уже не надеется выспаться. На груди — нашивка:

«КОМАНДОР Е. ВОРОНЦОВА».

Запись дрогнула. Женщина посмотрела прямо перед собой, будто видела тех, кто когда-нибудь найдет этот архив.

— Аварийный журнал комплекса «Север-4», — сказала она. — Запись открыта для всех подтвержденных дежурных в случае потери связи с центром и выхода протокола пробуждения из спящего режима.

Голос был хриплым, но твердым.

— Если вы это смотрите, значит, официальная версия провалилась. Или выжила слишком хорошо. Не знаю, что хуже.

Иван медленно выдохнул.

Запись продолжалась.

— Мы не были первой земной группой на Мортиане. И, возможно, не были первой человеческой. До нас здесь уже были следы. Старые базы. Не наши. Или наши, но из времени, которого нет в официальной истории. Даннелиане тоже нашли Мортиан раньше, чем мы думали. Они не захватывали планету открыто. Они наблюдали. Учились. Внедрялись. Мы сделали то же самое. Это была ошибка. Или необходимость. Разница стала неважна.

Изображение моргнуло. По лицу Воронцовой прошла полоса помех.

— К двадцать седьмому году проекта мы уже не могли надежно отличать агента даннелиан от измененного человека. Потом — измененного человека от добровольного союзника. Потом — собственную операцию от операции противника. У нас были клоны, копии памяти, ложные личности, двойники для возвращения на Землю. У них были носители смысла, зараженные сны, обратные голоса, биологические зеркала. Постепенно все перемешалось.

Тальверо стоял неподвижно.

Иван ощущал, как внутри него растет тяжелое, почти физическое чувство: не страх даже, а понимание, что привычная карта реальности больше не годится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.